

А. Б. Соколов

**«Патриотический нарратив»: школьные учебники истории в США
(вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. XX века)**

Представлен анализ школьных учебников истории, изданных в США в период с 1945 по 1965 г., выявлена тенденция изменения их содержания, выразившаяся в отказе от постановки острых социальных проблем, в сглаживании противоречий, в консенсусной интерпретации истории США, в доминировании «патриотического нарратива».

Ключевые слова: историческое образование, школьный учебник истории, консенсусный подход, патриотическое значение истории, патриотическое воспитание.

A. B. Sokolov

**“Patriotic Narrative”: School Textbooks on History in the USA
(Second half of the 40-s – first half of the 60-s of the XX-th century)**

The analysis of school textbooks on History published in the USA during the period from 1945 upto 1965 is presented. It revealed the tendency of changing the contents, expressed in refusal of statement sharp social problems, in smoothing contradictions, in consensus interpretations of the USA history, in domination of “patriotic narrative”.

Key words: historical education, the school textbook on History, consensus approach, patriotic meaning of History, patriotic upbringing.

В последнюю четверть века школьный учебник истории привлек внимание зарубежных исследователей. С точки зрения методологии конструктивизма он рассматривается как социокультурный феномен, позволяющий судить о господствующих в обществе представлениях и стереотипах в восприятии как собственного народа, так и других наций. В одной из новейших дидактических работ отмечается, что «тщательный анализ школьного учебника воспроизводит представления о времени, пространстве и силах, которые общество желает исподволь внушить ученикам, позволяет ухватить социальные и политические параметры каждого данного общества, его социальные и культурные представления, тревоги и заботы» [1]. В литературе преобладает критика учебников, которые во многих случаях в угоду господствующим патриотическим идеям односторонне интерпретируют или замалчивают многие стороны национальной истории. Небывалый интерес в середине 1990-х гг. вызвала книга американского историка Дж. Лоуэна «Ложь, которую рассказал мне мой учитель», которая представляла собой детальный разбор двенадцати наиболее широко используемых в США школьных учебников. По его словам, «учебники скучны. Все рассказы из них предсказуемы; все проблемы или решены, или почти решены. Из них исключены конфликты или неопределенности. Из них убрано все, что может задеть наш

национальный характер. Обращаясь к истории как драме, они способны создать только мелодраму, потому что читатели знают: в конце концов, все будет хорошо. Говоря словами одного учебника, “несмотря на препятствия, Соединенные Штаты преодолели эти вызовы”. Однако большинство авторов учебников истории не пробует даже мелодраму. Напротив, они прибегают к тону, который в устной речи именуется “бормотанием”. Стоит ли удивляться, что школьники теряют к истории всякий интерес» [2]. Так характеризуются некоторые черты учебника как патриотического нарратива.

Анализ Лоуэна посвящен учебникам, изданным в основном в 1980-х – начале 1990-х гг., однако он вполне применим и к изданиям более раннего времени. Например, в учебниках, выпущенных в течение двадцати лет после Второй мировой войны, черты патриотического нарратива представлены даже более выпукло и последовательно. Среди зарубежных исследований отметим книгу британского автора У. Марсдена, в которой дан сравнительный анализ развития школьного учебника географии, истории и общественного сознания в Великобритании и США в его исторической эволюции [3]. О «культурных войнах» в США по поводу школьных учебников истории рассказывает монография Дж. Моро [4]. В последние годы интерес к учебнику как социокультурному явлению проявился и у отечественных

авторов, хотя их точки зрения принципиально различаются по многим вопросам [5].

К началу XX века в Соединенных Штатах уже сложился тип школьного учебника истории, представляющий собой национально-патриотический нарратив, воспевающий достижения и единство страны в духе консенсусного подхода. Например, авторы учебника «Наша республика» так формулировали задачи, решаемые любыми авторами, взявшимися за написание учебника: правильно (! – А. С.) показать путь развития нашей страны, от колоний к штатам, затем к единой нации; показать, как жили люди, как на их жизнь влияли открытия и изобретения; в процессе изложения показать акты героизма и государственной мудрости, столь заметные в биографии нашей нации; писать школьную историю так, чтобы породить интерес к собственному народу и обязанностям гражданина – воспитывать патриотизм и гражданственность; устанавливать стандарты морали путем сравнения человеческих поступков; стимулировать любовь к самой учебе [6]. Как видим, в этом перечислении явно преобладает патриотическая направленность обучения вкупе с подчеркиванием величия американского опыта. Другому учебнику были предпосланы в качестве эпиграфа слова американского философа и писателя XIX века Ральфа Эмерсона: «Америка – просто иное слово для обозначения Возможности» [7].

После Первой мировой войны в складывавшейся в США «прогрессивной педагогике» прозвучала критика школы за оторванность от жизни, слабую практическую направленность образования. Наиболее кардинальные реформы предлагал выдающийся педагог Дж. Дьюи. В частности, затронув вопрос о преподавании истории, он писал, что перемена должна состоять «в переходе от формы рассказа и биографии, от обсуждения вопросов, которые поднимаются в школе, к самостоятельной постановке вопросов. Положения, относительно которых возможно различие мнений; спорные места, где опыт, размышление и т. д. могут быть применены с успехом для дела, всегда поднимались в истории» [8]. Педагогические идеи Дьюи оказали влияние на Гарольда Рагга, автора самых популярных в конце 1920–1930-х гг. учебников истории и обществоведения. В эпоху депрессии, последовавшей за Великим кризисом 1929 г., когда социально-экономические условия жизни большинства американцев существенно ухудшились, Рагг не замалчивал, а скорее подчеркивал наличие острых

расовых и социальных проблем в современной ему Америке; он указывал на многие острые исторические вопросы расового и социального значения и не утверждал, что США – страна равных возможностей для всех. С конца 1930-х гг., по мере преодоления последствий депрессии, началась кампания против учебников Рагга, и за очень короткое время они были полностью вытеснены из школ. В ходе кампании Рагга называли «красным» и «агентом Кремля» (в «ранних» учебниках 1920-х гг. он явно симпатизировал, как и другие «левые», СССР). Разгром учебников Рагга знаменовал полное господство учебника «патриотического» типа в США. Содержание американских школьных учебников истории начало меняться со второй половины 1960-х гг. под влиянием общественных движений в этой стране, прежде всего, движения против сегрегации, за равные политические права для черного, а также индейского населения страны. Оставаясь, по сути, вариантом «патриотического нарратива», современный американский учебник более гибок в освещении проблемных вопросов американской истории; он «политкорректен» и лишен многих свойственных прежним учебникам стереотипов. Таким образом, учебники рассматриваемого в этой статье времени – это особый историко-культурный феномен, на формирование которого повлияли свойственные данной эпохе черты, в том числе холодная война и маккартизм, а в историографическом плане господство консенсусных теорий. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно провести всесторонний анализ избранных учебников, поэтому в центре внимания находятся общие методологические и идейные позиции авторов учебников и оценка ими «героев» национальной истории.

Кроме преодоления депрессии и изгнания учебников Рагга, для понимания эволюции американского учебника в 40-х гг. требуется принять во внимание еще один фактор: участие США во Второй мировой войне. Публикуются такие курсы, которые должны были подтвердить веру в демократию, в то, что война ведется за свободу [9]. В качестве примера можно назвать учебник Г. Хартман «Создание демократии» [10], который в условиях сближения США и Англии и создания антигитлеровской коалиции делал акцент на европейских, точнее, английских, корнях американской демократии. В предисловии, адресованном «мальчикам и девочкам, которые прочтут эту книгу» (рассчитанную на старшие классы начальной и младшую ступень средней школы),

автор писала, что демократические принципы управления вырабатывались в течение веков в Старом Свете, «особенно в Англии». По ее словам, задолго до основания колоний «народ Англии медленно вырабатывал основания наших свобод и выстраивал институты, сделавшие нас свободной нацией» [11]. В XVII веке английские идеи свободы были перенесены на американский континент; американцы стали наследниками великих политических традиций Англии. И если отцы-основатели порвали с родиной, то исключительно для того, чтобы «защитить блага свободы». Сегодня, когда мир находится в критической стадии своего развития, «когда во многих местах основания свободы попорчены, а у власти находятся диктаторы, полностью контролирующие жизнь своих народов», чтобы ответить на этот вызов и «продвинуть американский образ жизни, требуется понимать, на каких принципах он строится». Исходя из такого подхода, Хартман разделила учебник на три раздела: первый, посвященный борьбе за свободу в Англии (он завершался борьбой с абсолютной монархией); второй – о создании американского государства и третий – под названием «Демократия или диктатура?», повествующий об опасности диктаторских режимов и демократических правах народа в США. Таким образом, общественное мнение готовилось к участию в войне под лозунгом защиты свободы и демократии.

Другим примером служит учебник И. М. Каста «Краеугольные камни американской истории» [12]. В нем тоже немало сказано об английских корнях американской свободы и демократии, в том числе о Хартии свобод, дарованной Генрихом I, и Великой Хартии вольностей. Что Хартия дала американцам? Автор так отвечал на этот вопрос: понимание, что налоги не могут быть установлены без согласия самих налогоплательщиков; каждый имеет право на скорый и справедливый суд. Принципы Великой Хартии могут быть обнаружены в конституции и законах штатов. Другими вехами демократического развития было создание в Англии парламента, Петиция о праве 1628 г., наконец, Билль о правах 1689 г. Во введении говорилось о главной особенности учебника – акценте на социальной, хозяйственной и коммерческой истории этой страны. Однако в создании «патриотического нарратива» автор пошел более простым путем, восхвалив совершенство американских идеалов и форм правления. Так, в учебнике называются 12 принципов, позволяющих понять, что значит быть «хорошим амери-

канцем». Они включают способность к самоконтролю; стремление быть здоровым и иметь хорошие привычки; стремление быть добрым в мыслях, словах и делах, уважительным к другим, предотвратить жестокость; справедливость в делах; умение полагаться на себя и, прислушиваясь к советам старших и мудрых, поступать так, как самому кажется правильным и справедливым; верность обязательствам; честность и правдивость; умение стоять за правду и формировать свое мнение на основе фактов; стремление выполнять работу наилучшим образом во взаимодействии с другими, стремясь поддержать и воодушевить их. Американец – лояльный гражданин, верный школе, семье, сообществу и стране; он предан службе сообществу, штату и нации [13]. Чем не американский вариант морального кодекса строителя коммунизма!

С началом корейской войны и в связи с «поиском красных под кроватью» в годы маккартизма цензура учебников на предмет их соответствия американским ценностям усилилась. Примеры приводил У. Марсен: с 1958 по 1962 г. не менее чем в трети штатов учебники были подвергнуты цензуре. Особенно сильным было давление со стороны религиозных организаций. «Половое обучение, сомнение в ценностях, гуманитарное образование, основанное на идеях Дьюи, любой научный курс, подтверждавший взгляды Дарвина, были мишенью для нападков. Это касалось и книг, содержащих прямую или косвенную поддержку феминизма, оккультизма, пацифизма и тому подобного» [14]. Еще одним фактором, влиявшим на содержание школьных учебников, были обострившиеся дискуссии по вопросу о положении афроамериканского населения. Борьба против сохранявшейся сегрегации черных американцев вызвала появление таких учебников, как «Страна свободных» [15], всколыхнувших волну критики справа. Одним из яростных оппонентов этого учебника был калифорнийский педагог Максвелл Рафферти [16]. По утверждению критиков, этот учебник не просто уделял большее внимание истории афроамериканцев – с этим можно было согласиться, а раскрывал американскую историю в мрачном и антипатриотическом духе. Впрочем, со второй половины 1960-х гг. атмосфера в американском обществе менялась, а идеология «консенсусного патриотизма», доминировавшая со времени начала холодной войны, вызывала у многих отторжение.

Рассмотрим некоторые учебники по истории США, чтобы составить представление о господ-

ствовавших тогда в этой стране идеях в области исторического образования. Учебник для старшей школы С. Уилсона «Американская история» [17] – самый ранний из них; его первое издание вышло в 1938 г. Можно выделить две его особенности по сравнению с другими книгами, рассматриваемыми ниже. Во-первых, он предназначен для католических школ. Это нашло отражение в ряде свойственных ему черт. Например, автор подробно характеризовал развитие католического образования и его вклад в культуру США; он замечал, что в XIX в. наблюдатели считали, что со временем все негры станут католиками, так как любят церемонии, и этого не произошло главным образом из-за того, что священники не предприняли к тому должных усилий. Во-вторых, этот учебник несет отпечаток свойственного историографии 20–30-х гг. релятивизма: «История по необходимости, будь-то как рассказ или в преподавании, не может быть полностью освобождена от личной точки зрения, и любая интерпретация может показаться излишне субъективной» [18]. Более того, учебник Уилсона в чем-то напоминает учебники Рагга, ибо он не лишен критики в адрес современного общества и отдельных критических оценок, когда речь идет о прошлом. В предисловии 1938 г. этот автор писал: «В наши дни все единодушно подчеркивают могущество государства, а права граждан, соответственно, находятся в упадке. Кому-то кажется, что подчеркивать серьезные недостатки в работе нашего правительства является предательством. Другие считают, что такая критика может звучать только в колледжах. Автор придерживается мнения, что такого рода критика должна звучать уже в старшей школе, поскольку для большинства граждан обучение на этом заканчивается. Путь к развитию разумной гражданственности лежит через то, чтобы будущий гражданин понимал вопиющие ошибки нашего правительства, как на местном, так и на федеральном уровне, и знал, что только совместные действия американцев могут вылечить ситуацию» [19]. Без учета того, относилась ли эта критика именно к Новому курсу Рузвельта, несомненно, что через 15 лет такая позиция показалась бы опасной левизной. Как и у Рагга, в учебнике представлен взгляд на Америку как на «плавильный котел», и выходцы из всех рас и народов внесли свой вклад в создание американской цивилизации. Уилсон упоминает о «патриотической обязанности» граждан, заключающейся в изучении истории, поскольку, зная причины и последствия событий в истории своей

страны, они смогут найти разумное и правильное решение, если появятся гражданские или национальные проблемы.

Учебники, опубликованные лишь несколькими годами позднее, отличаются от учебника Уилсона. Если у него слово «патриотизм» мы встретили только один раз (и то в контексте решения национальных проблем), то большинство других учебников выдержаны в духе «патриотического нарратива». Пример «перехода» от учебника «критического» к учебнику «патриотическому» можно видеть в «Истории Америки» Л. П. Тодда и М. Курти [20], тоже предназначенной для старшей школы. В предисловии к изданию 1950 г. отмечается, что главная цель изучения истории США в школе заключается в потребности каждого гражданина понимать и ценить американский образ жизни. Авторы предлагают акцентировать внимание школьников на повседневной жизни американцев, ибо это наилучший путь к пониманию американского образа жизни, следовательно, и к пониманию американской нации как «свободной, динамичной, процветающей, могущественной, которой нет равных по материальному, интеллектуальному и духовному вкладу, внесенному в развитие цивилизации» [21]. Они специально заостряют внимание на том, что многие, в том числе и сами американцы, ошибочно недооценивают духовные достижения США, «равных которым очень мало или вообще нет в мировой истории». Далее проводится мысль, становящаяся понятной в контексте холодной войны: у европейской и американской цивилизации общие иудейско-греко-римские истоки; зная об этом, «школьники лучше поймут ответственность за безопасность человеческих свобод, где бы и когда бы они ни подвергались опасности». Однако этот учебник не отрицает и «разнообразия» в американской истории. Трактую историю страны как «коллективную биографию» американского народа, они включают в это понятие богатых и бедных, вновь прибывших иммигрантов и давних поселенцев, фермеров, рабочих, лидеров культуры и лидеров бизнеса и политики. Кроме того, они подчеркивают (и в этом можно видеть следы влияния «прогрессивной историографии»), что нельзя игнорировать роли противоречий, вытекавших как из идей, так и из экономических интересов, в истории страны. Они утверждают: «Разногласия были источником силы и жизненности от дней первых поселенцев и дней основателей республики до нашего времени борьбы за совершенствование и защиту демократического

наследия в мире конфликтующих идеологий» [22]. И далее, в духе консенсусной историографии, делают вывод, что выдающимся достижением западного мира было развитие политических институтов и практик, позволивших достигать компромисса при столкновении интересов и идей. Каковы бы ни были заявления, прозвучавшие в предисловии к учебнику, его анализ, однако, показывает, что авторы не игнорировали различия историографических подходов ко многим проблемам. Напротив, во многих случаях они указывали на разные точки зрения, сопровождая это ремаркой: трудно сказать, какая из них является правильной.

О необходимости «думать честно» о проблемах современной американской жизни написал и автор книги «От колонии к мировой державе. История Соединенных Штатов» У. Хэмм [23]. Для этого школьники должны понимать идеалы, традиции и институты, определившие развитие США. Особенностью своего подхода этот автор считал упор (не во всем последовательно реализованный) на социальную и экономическую историю при относительно кратком описании истории политической. Можно признать: этот учебник в принципе свободен от патриотической риторики и сохранил черты, присущие «прогрессивной педагогике» и «прогрессивной историографии». Среди рекомендуемых Хэммом работ – такой классик прогрессивной историографии, как Ч. Бирд. Это при том, что, по словам Дж. Моро, к началу 1950-х гг. установилось господство консенсусной школы, а такие историки, как Бирд и Бекер, «вышли из моды» [24].

Учебники, являвшиеся частью патриотического дискурса эпохи холодной войны, отличал «высокий», «пафосный» стиль. В книге «Как мы стали американцами» говорится, что на том маленьком («по сравнению с солнцем и звездами») острове в море пространства, который называется Соединенные Штаты Америки, проживает «самый благословенный народ» во вселенной. Люди жили на этой территории задолго до того, «как наши прадеды построили города и дороги, вырубали леса и освоили поля, задолго до того, как наши предки выкопали шахты и установили плотины на реках» [25]. Это описание не только напоминает школьникам, кого считать предками, но и подчеркивает, что именно европейские переселенцы преобразовали эту землю, сделали ее цивилизованной страной.

Характерным примером такого же рода является учебник «История наших (курсив мой. –

А. С.) Соединенных Штатов» Р. Кордье и Э. Роберта [26]. Главная идея, которую он внушает школьникам, – это идея о том, что они принадлежат к особой нации, отличающейся качествами, только ей присущими. Из всех историй история США – самая важная, потому что американская нация создала наилучшую форму управления, благодаря которой люди живут более свободно и безопасно, чем когда- и где-либо. С рождением США родилось новое убеждение: люди могут быть свободными и могут свободно жить под властью своего правительства. Это провозгласил американский Колокол Свободы. В первый раз в истории «все люди, ты и я» приобрели значение. Трудно сказать точно, что значит американский дух и американская мечта, но «на востоке и на западе, сегодня, как и сто лет назад, всегда есть что-то, хотя бы чуть лучшее, что можно найти и обрести». Когда не было дорог, мы их построили. «Мы сажаем детей в повозку, берем еду, мебель и едем в поисках места, где легко дышится. Движение вперед – это часть американского духа. Вдоль дорог могут быть индейцы, может быть голодно, страшно, холодно. Но американцы любят собираться командой – в повозках или на работе. Две головы лучше, чем одна, и если ты хоть немного делишь трудности с другими, пережить их становится легче. Дай руку, сосед! Рука, которая помогает, – часть американского духа. Каждый может стать хорошим товарищем, если дать ему шанс. Мы, американцы, верим в это. Мы верим, что вчера был хороший день, а завтра наступит еще лучший» [27]. Нетрудно заметить, что ключевое слово в этой вводной части учебника – слово «мы». В отличие от Рагга, писавшего о различиях, Кордье и Роберт нивелировали их, этим «мы» они сразу отметили любую попытку критически взглянуть на прошлое страны; бесконечно повторяющееся «мы» становится средством психологического подавления, своего рода гипноза. Авторы пытались сделать школьникам прививку оптимизма, с позиций которого, и только, они должны смотреть на настоящее и прошлое страны. «Нам повезло. Мы действительно счастливики. В нашем распоряжении была страна такая огромная, что в ней было место для любого проекта. Леса, равнины и горы самым удобным образом оказались в нашем распоряжении. Наши города росли рядом с изобильными полями. Мы строили мосты и каналы, чтобы связать все воедино. На каждом столе была еда и была работа для каждого человека. Мы стремились сделать жизнь лучшей для

каждого. Немного удачи, и нам будет завидовать весь мир. Хотя, может быть, нам нужно кое-что еще. Нам нужна удача – и молитва», – писали они [28]. Стоит ли говорить, что здесь обнаруживается полное расхождение с Раггом, отмечавшим, что в Америке многие голодают, отсутствие каких-либо проявлений критико-реалистического подхода к действительности. Америка так прекрасна, что «дух захватывает». Здесь ни один человек не король, здесь каждый может голосовать и имеет голос в управлении. «Здесь нивы плодородны, а скот тучен. Каждый может безопасно ходить по дорогам ночью – здесь кончается страх», – восклицают авторы учебника, можно сказать, в упоении [29]. Патриотическое звучание имеет не один раз поднятая во введении тема американского флага: «Почти двести лет для миллионов людей флаг был символом всего самого для них дорогого. Когда ты боялся, он означал мужество. Когда ты был в беде, он означал защиту. Когда ты был вдали, он означал дом. Он такой же большой, как твое сердце, и такой же свободный, как твой разум. Он такой же старый, как сама страна, и такой же юный, как ты. Где бы в мире ни поднимался флаг нашей славы, он несет веру и гордость за достижения свободных людей» [30]. Начав введение с темы флага, авторы возвращаются к ней же в его завершении. Обратившись к рисунку, выполненному с военной фотографии шести американских солдат, водружающих флаг своей страны на занятой позиции, они пишут о том, что эти солдаты и флаг «стоят на защите образа жизни и демократии. Четверо из них погибли, но они, эти солдаты, – надежда миллионов людей всего мира, которых объединяет общая цель: стать свободными» [31].

Главная историческая идея, положенная в основу этого учебника, – идея бесконечного прогресса Соединенных Штатов, которые на протяжении всей своей истории становились «больше, лучше и сильнее». Показательны в этом смысле названия разделов учебника. Вот некоторые из них, представленные в хронологическом порядке: «Начало нашей нации», «Укрепление нашей нации», «Мы основываем новые предприятия и предпринимаем новые действия», «Демократия в нашей нации продолжает расти», «Мы защищаем и сохраняем наш федеральный союз» (нелегко догадаться, что речь идет о гражданской войне. – А. С.), «Наша воссоединенная нация движется вперед», «Мы становимся индустриальной нацией». Эти названия сами по себе не дают возможности усомниться: история страны излагается в

учебнике в консенсусном духе. Следует также сказать об оформлении этого учебника, отражающем его главную идею. Учебник талантливо иллюстрирован, но в нем предпочтения явно отдается не изображению как источнику, а рисункам современных художников, в красочном и идеализированном виде представляющим школьникам историю США. В соответствии с декларацией, что история страны – это коллективная биография американцев, картинки изображают «простого американца»: пионера лесов, прихожанина, ковбоя, фермера, рабочего, солдата. Изображения этих людей на рисунках не статичны: они все в действии, в бесконечном «движении вперед», о котором сообщал учебник. Подпись на рисунке сообщает: «Это неизвестные американцы, чьих имен ты никогда не узнаешь. Они тоже наши предки».

Несколько более сдержанно по форме «патриотическая» версия истории США изложена в учебнике для старших классов начальной школы «Рассказ о нашей земле и народе» [32]. Тем не менее, и в этом случае прославление своей нации доминирует: «Мудрец заметил, что корни настоящего находятся в прошлом. Первые исследователи и поселенцы заложили основы, на которых родилась великая нация». Патриотическое значение истории должна подчеркнуть и красочная обложка учебника, на которой изображен американский патриот (надо полагать, Поль Ревир), призывающий мирных сограждан (один из них уже бросил топор, другой вот-вот покинет пашню) оказать сопротивление англичанам. Он изображен верхом на лошади, его оружие прикреплено к седлу, а столь хорошо знакомым жестом правой руки он указывает на опасность. Как и в учебнике Кордьера и Роберта, главную черту американца эти авторы видели в постоянной устремленности к лучшему. «Американцы не сидят на месте, средний американец никогда не бывает более счастливым, чем когда он в пути. Вера в то, что что-то лучшее, несколько странное и удивительное лежит там, за горами или за горизонтом, долгое время является частью Америки. Сегодня американцы редко пересекают континент в поисках новой работы или дома. Они следуют за мечтой, которая воодушевила на путешествие в Новый Свет еще первых переселенцев», – утверждали они, несколько романтически трактуя образ американца [33].

Во введении авторы Мун и Макгован сфокусировали внимание на двух темах, которые определили центральными для себя: Америка как «земля

свободы, куда стеклись свободолюбивые мужчины и женщины со всех концов мира» и Америка как «земля возможности, созданная тяжелым трудом и предвидением наших предков, земля, где у каждого есть шанс развиваться в соответствии со своими способностями» [34]. Названия глав учебника не так обобщенно-пафосны, как в предыдущем случае. Наоборот, иногда в них констатируется наличие проблем. Отметим, что консультантом при написании этого учебника был известный историк Р. Хофстедтер, который гибко, в духе либеральной историографии, трактовал позиции консенсусной школы. Обратим внимание на такие заголовки: «До 1492 года охотники из Азии заселили Америку, тогда как европейцы построили великие цивилизации»; «Колонисты тяжело трудились и учились самоуправлению»; «Пионеры без усталости рвались на запад»; «Север и Юг сражались в войне, оставившей горечь и множество шрамов» (название резко отличается от того, которое было дано теме по гражданской войне в учебнике Кордьера); «Америка приобрела новые территории и оказалась лицом к лицу с новыми проблемами» (об имперской политике США после 1898 г.); «США пытались быть добрым соседом»; «Америка вела борьбу за свободу» (о послевоенных годах). Особенностью этого учебника можно считать стремление связать рассказ о прошлом с ландшафтом страны. Не случайно в названии этой книги присутствует слово «земля» (land). Учебник открывает подборка репродукций 8 картин, иллюстрирующих исторический путь страны. Четыре из них позволяют видеть, как менялся ландшафт Америки от поселений индейцев до индустриального пейзажа середины XX века. В соответствии с тестом учебника, эти картины показывают «часть истории земли и народа от дикости к мировой державе».

Авторы «Американской истории» Э. Кривен и У. Джонсон в предисловии ставили вопрос о том, зачем школьникам изучать историю США. Они разъясняли: в старшей школе учащиеся не просто слушают и читают о том, что происходило в прошлом. Они способны соотносить причины и последствия, видеть тенденции, понимать значение того, что происходило в прошлом, для настоящего и будущего. История, говорят они, осознанно или бессознательно, в большой мере определяет, что ты делаешь в настоящее время: «Как гражданин Соединенных Штатов ты должен голосовать, платить налоги, обдумывать общественные проблемы, вносить свой вклад в продвижение нации вперед. Как собственная па-

мять дает тебе знания для безопасного и правильного поведения в повседневных делах, так национальная память гражданина поможет тебе разумно принять на себя ответственность, связанную с жизнью в демократическом обществе» [35]. Во введении школьникам сообщается, что «наше наследие», несмотря на относительно короткий период национальной независимости, является «богатым и разнообразным». В представлении этого наследия авторы опирались на категорию «национального опыта», выделенного в консенсусной историографии: «Наша вера в демократию, в образование, наши стандарты поведения, наши экономические взгляды – все это плоды американского опыта». Введение к учебнику написано в форме визуальной истории (Picture Story). На двухстраничных разворотах даны краткие, сопровождаемые фотографиями и иллюстрациями, сведения об истории каждого из районов страны: столицы, первых тринадцати колоний, старого Северо-запада и Нижнего Юга, Великих равнин, юго-запада и, наконец, Дальнего запада, Аляски и Гавайев.

Способом патриотического воспитания является конструирование в учебниках истории пантеона национальных героев, главным из которых в американском варианте был, безусловно, Вашингтон. Учебник Кордьера и Роберта сообщал, что с годами после его смерти американцы все более высоко оценивали, что он сделал для страны. В середине XIX века они писали о нем книги, воздвигали статуи, национальным монументом стало поместье первого президента Маунт Вернон. Авторы «Истории Америки» Тодд и Курти, рассуждая о причинах поражения англичан в войне за независимость, ставят на первое место «убежденность и мужество» Вашингтона, позволившие спасти армию и добиться победы. Однако качества Вашингтона как героя проявились и тогда, когда потребовалось спасти нацию, находившуюся после получения независимости в плачевном состоянии. Он был призван сделать это вопреки собственным пристрастиям «сельского джентльмена». Не имея личного желания славы и власти, он принял участие в Конституционном Конвенте, подчинившись чувству долга. Вашингтон не был блестящим оратором и со свойственной ему скромностью не считал себя выдающимся человеком, но ему были присущи «сбалансированные оценки, здравый смысл, знание людей». Кроме того, он обладал способностью последовательно, шаг за шагом, выполнять намеченное и менять планы с изменением об-

стоятельств. Как видим, в этом случае авторы создают образ великого Вашингтона как «типичного американца», не балабола и «умника», а человека практичного, обладающего знанием жизни. Похожим образом о Вашингтоне говорится и в «Американской истории» Кравена и Джонсона – в этом случае он последовал чувству долга, согласившись стать президентом. Он не хотел этого поста и занял его без энтузиазма, следуя желанию американского народа, который не забыл, что обязан своей независимостью Вашингтону в большей степени, чем кому-либо другому. Его правительство получило большие преимущества именно потому, что всем были известны способности и патриотизм этого человека. Здесь, как и в предыдущем примере, авторы заключают: «Он не был блестящим человеком, но его жизненный опыт как таможенного чиновника в неосвоенной стране, как плантатора в Виргинии, как солдата революции научил его понимать людей вокруг себя. Он приобрел глубокую, практическую мудрость. Его достоинство и самоотверженная преданность благосостоянию нации представляют собой высший образец, которому надо следовать» [36]. В этом учебнике приведены иллюстрации, призванные подтвердить сказанное: портрет Вашингтона-президента, портрет Вашингтона-офицера, его портрет с семьей, изображение его инаугурации, а также картина с изображением его плантации. Мун и Макговен в «Рассказе о нашей земле и народе» тоже подчеркивали: Вашингтон руководил работой Конвента терпеливо и твердо. Однажды он сказал: «Давайте придерживаться стандартов, которые нужны мудрым и честным. Дело в руках Бога». «Ни один человек не заслуживал в большей степени того звания, которое дала ему благодарная нация: “Отец этой страны”», – заключали они [37]. В этих учебниках нет ничего, что могло бы породить сомнение в величии этого человека.

А вот в «Американской истории» Уилсона элемент критики Вашингтона прослеживается. Речь идет о том, о чем сообщали некоторые учебники XIX века: об аристократизме и даже нескромности федералистов и самого президента, которая представлялась «республиканцам (так автор называл антифедералистов) ненужной и нетерпимой». Уилсон приводил иллюстрацию с изображением бала, устроенного Вашингтоном и его супругой в честь сдачи Корнуоллиса (то есть еще во время революционной войны). Надпись под ней сообщала, что блеск приемов и обедов, дававшихся им, создавал повод для нападок тем,

кто ненавидел любое проявление «роялизма». Уилсон возвращался к этой теме и в тексте, сообщая, что во времена президентства приемы проводились Вашингтоном с истинно южным гостеприимством. Вина на них считались лучшими, блюда подавались на серебряной посуде – все это вызывало критику со стороны республиканцев, тем более, примеру президента следовали, в гораздо более роскошных формах, богачи [38]. Конечно, во времена, последовавшие за великой депрессией и в годы войны, когда писался этот учебник, показные и затратные удовольствия многим казались неприемлемыми, когда речь шла о политиках. О приемах, устраиваемых супругой Вашингтона, сообщал и учебник Хэма «От колонии к мировой державе»: в нем приводилось изображение приема, действительно напоминавшего королевский.

Кто еще из тех, с кем связывалось создание США, кроме Вашингтона, наделялся чертами героя? Здесь в учебниках проявляется некоторое разнообразие. Так, учебник «Как мы стали американцами» уделяет большее внимание Франклину. Здесь не только отмечены его заслуги как типографщика, издателя, писателя, изобретателя и государственного деятеля и то, что он «посвятил свою жизнь благосостоянию колоний», но и дан рассказ о его жизни, начиная с детства и до зрелого возраста. Он предстает не только как герой, преданный делу свободы и правам человека, неустанно трудившийся, чтобы убедить колонистов в необходимости единства, но и как человек «приятный», ум и чувство юмора которого помогли французам понять американцев. Отгалкиваясь от известной фразы Патрика Генри «Свобода или смерть», учебник в форме рассказа повествует об этом деятеле революции. Разговор о Поле Ревире начинается с рассказа о том, каким умным, быстрым и жизнерадостным он был в детстве.

Вторым по значимости вслед за Вашингтоном в «пантеоне героев» стоит Джефферсон. Спир и его соавторы в учебнике «Как мы стали американцами» начинают рассказ, ему посвященный, с того, как он обмакнул перо в чернильницу и приступил к написанию Декларации. В учебнике Уилсона Джефферсон, в известном смысле, даже антипод Вашингтона. Он внешне «больше напоминал фермера, чем самого пронизательного политического руководителя» в стране. Ненависть к нему со стороны федералистов была велика, поскольку он требовал равенства для всех. Он отменил введенный Вашингтоном порядок, пред-

полагавший прямое обращение президента к обеим палатам конгресса, так как это слишком напоминало открытие британским королем парламента, а обратился к конгрессу с письменным посланием. Таким образом, Джефферсон выглядел даже как некая альтернатива «аристократизму» Вашингтона.

При чтении учебников рассматриваемого периода возникает ощущение, что Гамильтон представлен в некоторых из них как фигура даже более значительная, чем Джефферсон. «Американская история» Кревена и Джонсона отмечала, что Гамильтон обладал «большим умом и огромной энергией», а также великим талантом добиваться поставленных задач, и ему принадлежит заслуга в установлении в США сильной власти и оздоровлении финансовой системы. По словам авторов «Как мы стали американцами», Гамильтон «мог быть нашим самым великим автором, но посвятил себя службе генералу Вашингтону, он был так силен своим пером и так обходителен с друзьями и врагами нашей страны, что добивался своего. Его называли «маленький лев» [39]. Впрочем, в учебнике Тодда и Курти сказано, что он не доверял людям и считал, что они руководствуются исключительно эгоистическими интересами. Он, в принципе, вообще не был сторонником республиканской формы правления, предпочитая монархию, а конституцию, создававшую сильное государство, принял как «наименьшее зло». В его финансовой реформе были заинтересованы прежде всего люди состоятельные. Так, на страницах учебников были актуализированы отголоски споров федералистов и антифедералистов.

Единственный герой американской истории, которого учебники ставили, по меньшей мере, вровень с Вашингтоном – Линкольн. Как и в учебниках XIX века, рассказ о нем часто включает довольно подробное описание его детства и биографического пути. «Рассказ о нашей земле и народе» сообщал: он научился любить всю страну отчасти потому, что его семья много перемещалась с места на место. Поэтому у него не было особой любви к какому-то отдельному штату, он любил всю страну в целом. Далее, разумеется, следовал рассказ о том, что он одинаково хорошо владел плугом, мотыгой, топором и проходил десятки миль, чтобы получить книгу, которую хотел прочитать. Главной целью Линкольна было сохранение целостности союза: «Линкольн видел Америку великой свободной нацией, в которой каждый мальчик и каждая девочка имели шанс учиться и быть счастливыми и полезными. Если

Союз будет разрушен, все будет потеряно» [40]. Авторы оговариваются: Линкольн ненавидел рабство, но он и «пальцем пошевелить не хотел», если такое его действие угрожало Союзу. Кордьер и Роберт тоже начинали с перемещений семьи маленького Авраама и изложения его биографии. У них содержится больше информации о разногласиях по вопросу о рабстве, и, хотя и не столь резко, выражена мысль: будучи избранным президентом, Линкольн не был намерен отменять рабство, чтобы не подвергать опасности Союз штатов. О смерти Линкольна скорбела вся страна, сам Джефферсон Дэвис, лидер разгромленной Конфедерации, якобы сказал: «После падения Конфедерации смерть Линкольна – это самый черный день для Юга». По словам этих авторов, в черные дни один человек сказал за всех: мы все американцы. Этим человеком был Авраам Линкольн, «врач в нашем доме» [41]. Чтобы показать, как тяжело Линкольн переживал гражданскую войну, авторы «Американской истории» помещали рядом три фотографии Линкольна, сделанные между 1860 и 1865 гг. Они предлагают учащимся обратить внимание, как за это время изменилось его лицо.

В учебнике Уилсона подчеркнута разница по вопросу о рабстве между Линкольном и радикальными республиканцами, а время, когда появилась Предварительная прокламация об освобождении рабов, было столь тяжелым для федерального правительства, что государственный секретарь Сьюард опасался, что это может оказаться последней мерой отчаяния. В «Истории Америки» Тодда и Курти упоминается, что Линкольн ограничил личные свободы в интересах национальной безопасности, хотя в «других отношениях он показал себя великим поборником правительства “народа, народом и для народа”. Его вера в людей и в их способность участвовать в принятии решений была проявлением мудрости и в долговременном плане позволяла вести массы и идти с ними» [42].

Все учебники утверждают: Линкольн проявлял большую осторожность в своей политике в отношении рабства. В них упомянуты его заявления накануне войны о том, что его избрание не угрожает этому институту, подчеркнута его довольно упорное нежелание следовать требованиям радикалов Севера, а также затянувшийся характер самой процедуры принятия окончательного решения, выразившегося, в конечном счете, в Прокламации об освобождении. Характерно, что учебники не осуждают Линкольна за это, скорее

наоборот, они видят в этом проявление государственной мудрости и противопоставляют президента радикальным республиканцам. Это не случайно: в учебниках доминирует мысль, что главной причиной и главным делом войны было сохранение единства государства, а не уничтожение рабства. Как показал Дж. Лоуэн, для достижения этой цели авторы учебников если не замалчивают совсем, то значительно смягчают антирабовладельческие взгляды Линкольна. Пожалуй, только из учебника Уилсона можно понять, что гражданская война была не только *правым делом*, попыткой решить назревшие вопросы, как бы по-разному ни оценивалась суть этих вопросов. Из его «Американской истории» можно узнать, что гражданская война, как прежде Революция и война 1812 г. с Англией, были и временем спекуляции, обогащения немногих за счет правительственных контрактов, поставок по завышенным ценам. Были люди, сколотившие на войне состояния. Он упоминает о ботинках, поставляемых для солдат Севера, основным материалом для изготовления которых была бумага, но которые продавались как якобы изготовленные из шерсти самого лучшего качества [43].

Итак, изучение ряда американских учебников послевоенного периода выявило тенденцию в изменении их содержания, выразившуюся в отказе от постановки острых социальных проблем и рассмотрения их через призму истории, к «сглаживанию» противоречий, к консенсусной интерпретации прошлого США, к доминированию «патриотического нарратива». Эта тенденция в большей степени коснулась учебников обществознания и в меньшей – учебников истории для старшей школы. В 1950–1960-х гг. было положено начало «визуальной экспансии» на страницах школьных учебников, которая станет в дальнейшем неотъемлемой частью их эволюции на Западе. В то же время изображения продолжали выполнять, в основном, иллюстрирующую функцию, а не служили источниками для исследовательской работы школьников. Иллюстрации, подчас весьма умело, использовались для усиления «патриотического нарратива». Тогда же усложнился методический аппарат учебников, что в большинстве случаев оправдывалось идеологическими и дидактическими задачами, стоявшими перед авторами.

Примечания

1. The Nation, Europe and the World. Textbook and Curricula in Transition / ed. by H. Schlisser and J. N. Soy-sal. N. Y., 2005. P. 7.
2. Loewen J. Lies My Teacher Told Me. Everything Your American History Textbook Got Wrong. N. Y., 1995. P. 13.
3. Marsden W. The School Textbook. Geography, History and Social Studies. L., 2001.
4. Moreau J. Schoolbook Nation. Conflicts Over American History Textbooks From the Civil War to the Present. Ann Arbor, 2004.
5. См., напр. : Багдасарян В. Э. и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009; Дидактика истории и обществознания: от школы к университету. Выпуск 2. Школьный учебник истории / под ред. А. Б. Соколова. Ярославль, 2010. В этом же сборнике помещена наша статья, посвященная школьным учебникам США в XIX – начале XX века; Стрелова О. Ю., Вяземский Е. Е. Учебник истории: старт в новый век. М., 2006; Шарифжанов И. И. Изолированная страна. История России на страницах западных школьных учебников. Казань, 2009.
6. Our Republic. A History of the United States for Grammar Grades / Fr. L. Riley, J. A. C. Chandler, J. G. de Roulhac Hamilton. Raleigh, 1921 (1st ed. 1910). P. V.
7. The Leading Facts of American History / D. Y. Montgomery. Boston, 1920 (1st ed. 1890).
8. Дьюи Дж. Школа и общество. М., 1925. С. 115–116.
9. Marsden W. Op. cit. P. 160.
10. The Making of Democracy / by Gertrude Hartman. N. Y. : The John Day Company, 1941.
11. Ibid. P. 7.
12. Foundation Stones of American History / by I. M. Cast. Philadelphia: F. A. Davis Company, 1946.
13. Ibid. P. 334–336.
14. Ibid. P. 184–185.
15. Land of Free / by W. Caughey, John Hope Franklin, Ernest R. May. N. Y. : Benziger Brothers, 1966.
16. См. : Moreau J. Op. cit.
17. American History / by Samuel Knox Wilson. Chicago: Loyola University Press, 1946.
18. Ibid. P. V.
19. Ibid. P. VI.
20. America's History / by Lewis Paul Todd and Merle Curti. N. Y. : Harcourt, Brace and Company, 1950. Этот учебник, возможно, самый популярный в США, переиздается (с изменениями и дополнениями) уже много десятилетий.
21. Ibid. P. V.
22. Ibid. P. VI.
23. From Colony To World Power. A History of the United States / by William A. Hamm. Boston: D. C. Heath and Company, 1953 (1st ed. 1947).
24. Moreau J. Op. cit. P. 253
25. How We Became Americans / by Robert K. Speer, Ray Lussenhop, Lena S. Blanton. N. Y. : Johnson

Publishing Company, 1947. P. 3.

26. History of Our United States / R. W. Cordier, E. B. Robert. N. Y. : Rand McNally and Company, 1953.

27. Ibid. P. 9.

28. Ibid. P. 13.

29. Ibid. P. 15.

30. Ibid. P. 3.

31. Ibid. P. 17.

32. Story of Our Land and People / by Glenn W. Moon, John H. MacGowan. N. Y: Henry Holt and Company, 1955.

33. Ibid. P. 55.

34. Ibid. P. X.

35. American History / by Avery O. Craven, Walter Johnson. Boston: Ginn, 1961. P. 1.

36. Ibid. P. 145.

37. Story of Our Land and People / by Glenn W. Moon, John H. MacGowan. P. 182.

38. American History / by Samuel Knox Wilson. P. 254–255.

39. How We Became Americans / by Robert K. Speer, Ray Lussenhop, Lena S. Blanton. P. 237.

40. Story of Our Land and People / by Glenn W. Moon, John H. MacGowan. P. 374–375.

41. History of Our United States / R. W. Cordier, E. B. Robert. P. 11.

42. America's History / by Lewis Paul Todd and Merle Curti. P. 391.

43. American History / by Samuel Knox Wilson. P. 374.